

Р.П. Макарова

МОДЕЛИ МЕТАФОРЫ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время вопрос о лингвистической природе метафоры привлекает к себе все более пристальное внимание языковедов. Метафора – один из способов осмысления действительности, одна из форм художественного мышления. Без метафоры не может обойтись ни один язык. В своей книге, ставшей мировым научным бестселлером, Дж. Лаккофф и М. Джонсон пишут, что «... множество людей считает, что они прекрасно обходятся без метафор. Вопреки этому, мы обнаружили, что метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [1, с. 25].

Многозначность слова, первичное и вторичное наименования являются универсалиями, они свойственны всем языкам. Вся основная часть словарного состава любого языка состоит из слов с двумя или более значениями, и почти каждое третье слово имеет переносное значение. Перенос наименования с одного предмета или объекта на другой происходит по нескольким аспектам, среди которых продуктивным является перенос по сходству внешних признаков предмета, функций, эмоциональных впечатлений.

Метафора рассматривается исследователями на материале разных языков. Существует много научных работ, в которых авторы исследуют роль и функции, классификацию и модели метафоры. Но нет единого мнения о вторичном наименовании слова в теоретическом плане, а на лексикографическом уровне описано недостаточно.

В лингвистике следует разграничить языковую и художественную метафоры, которые как явления языка находятся в сложных и противоречивых связях. Общим для них является то, что при перенесении свойств с одного объекта на другой происходит сравнение объектов. Что касается их соотношения в лингвистическом плане, то между ними происходят разногласия. Языковая метафора (ЯМ) обладает системностью, объективностью и воспроизводимостью. Художественная метафора бессистемна, уникальна и неповторима, т.к. отражает индивидуальный взгляд на мир. Явное разграничение можно выявить и в функциональной характеристике: ЯМ преимущественно выполняет номинативную функцию, художественная же – эстетическую.

ЯМ представляет собой готовый элемент лексики, ее мы автоматически воспринимаем и воспроизводим в речи, часто даже не отдавая себе отчета в том, что слова, которые мы используем в обыденной речи, имеют фигуральный характер.

В работе В.Г. Гака отмечено: «Метафора возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления. Она возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее невозможно обойтись, она присуща человеческому мышлению как таковая. В основе метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся многообразную деятельность» [2, с. 58]. Метафора образуется и функционирует по законам языковой системы и отражает коллективные предметно-логические связи [4, с. 26].

Не существует единого мнения о моделях ЯМ, т.к. отношения слов в метафоре сложны и запутаны, основания и характер переноса трудно определимы.

В настоящее время в якутской филологии нет специальных работ, посвященных моделированию метафоры. Нами предлагается классификация моделей на основе изучения лингвистической литературы и собственных наблюдений.

В якутском языке регулярной и продуктивной моделью переноса являются **зооморфизмы** (или **зоосемизмы**). Основанием для переноса являются свойства, физические качества, поведение, приписываемые животным, птицам, насекомым, рыбам, возникшие в результате наблюдений. Близость к природе, особая наблюдательность, видение природы, окружающей среды якутами отражаются в характере метафоры. Например, *арыы саһыл хааннаах* букв. 'лицо цвета маслянистой/жирной лисы' – красноватый цвет лица; *атыыр тымныы* букв. 'мороз-самец' – сильные холода, трескучие морозы; *балык айах* букв. 'рот, как рыба' – беззубый (о ребенке, пожилом человеке); *кус быһый* букв. 'резвый, как утка' – резвый, быстроногий; *ньирэй баттах* букв. 'волос-теленка' – волосы от рождения. Названия животных используются в якутской терминологии по биологии, названиях растений, например, *баба батаһа* букв. 'лягушачье копьё' – название растения, горечавка; *ыт тинилэбэ* букв. 'собачья пятка' (диалектное *киис тинилэбэ* букв. 'соболиная пятка') – княженика, малина; *ынах эмиийэ*

букв. *'коровье вымя'* – земляника (диалектное); *кулун кутуруга* букв. *'хвост жеребенка'* – название травы, лисий хвост (вид мятлика); *кулун туйаба/тайаба* букв. *'хвост/посох, трость жеребенка'* – название травы, калужница болотная.

Следующая модель, характерная для якутского языка – это **ботаниксизмы**. Названия растений, частей растений используются для наименования другого явления, предмета: *лабаа 'ветвь, ветка, лоза'* – конечности человека (*лабаалара бүтүн* – 'руки-ноги целы'); *салаа 'ветвь, ветка, листы травы'* – рожон (*атырдьах салаата* букв. *'рожон вил'*); отрасль, отдел (*тэрилтэ салаата 'отдел в предприятии'*); раздел (*үлэ, кинигэ салаата 'раздел книги, работы'*); *олох сибэккитэ* букв. *'цветы жизни'* – дети; *от күөх өн* букв. *'цвет травы'* – зеленый цвет.

Действительно, якуты очень близки к природе. Почитание явлений природы и поклонение им, а также солнцу и луне, поверья о звездах как живых существах – наглядным примером всего этого является живая красочная речь наших предков. Одним из аргументов близости якутов к природе является язычество, которое является архаическим верованием и требует от человека уважительного отношения к природе. «Предки саха умели разговаривать с растениями и животными. Понимали «язык» лошадей» [3, с. 23].

Наиболее регулярной и продуктивной в якутском языке считается так же использование частей тела человека, животного в других наименованиях, например, *аһаһас айах* двол. *'открытый рот'* – болтун; *күөл атаба* букв. *'нога озера'* – вступающая часть озера; *атах ынах* букв. *'корова-нога'* – в значении худшая, последняя; *орон баһа 'голова кровати'* – изголовье кровати; *бүөр күөл* букв. *'озеро-почка'* – меньшее из двух близлежащих озер; *сис былыт* букв. *'облако-хребет'* – сплошное облако; *уу дьулай* букв. *'теменная вода'* – родничок; *киэн күбөс* букв. *'широкая спина'* – выдержка, терпение; *илии көхсө* букв. *'спина руки'* – тыльная сторона ладони; *кэбэ кулгааба* букв. *'ухо кукушки'* – подснежник (диалектное); *уос номоһо* букв. *'притча рта'* – поговорка.

Анализ лингвистической литературы по исследованию природы метафоры показал, что вокруг понятия «человек» формируется самая актуальная часть лексической системы языка. Одним из лингвистических подтверждений этому, в частности, служат результаты анализа около ста тысяч словоупотреблений разговорной речи.

Самым актуальным для разговорной речи по количеству употреблений является лексико-семантическое поле «человек» [5, с. 437]. Эта модель, которую в лингвистике принято называть **антропоцентрической**, находится в постоянном взаимодействии с другими моделями. Создаваемая человеком метафорическая картина мира в значительной степени антропоцентрична: человек метафорически концептуализирует действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей. Следовательно, такие метафоры характеризуются высокой образностью и оценочностью.

Предметы быта, используемые в переносном значении в наименованиях другого предмета или явления, так же могут составить отдельную метафорическую модель, например, *сүрэх быта* букв. *'веревка сердца'* – аорта; *дьааһык кун* букв. *'день-сундук'* – день похорон; *тыгырах сабата* букв. *'ворот ногтя'* – ногтевой валик; *саппыа күөл* букв. *'озеро-сумочка'* – часть водоема; *кыптыый буута* букв. *'бедро ножниц'* – ручка ножниц; *кылыс от* (кылыс – старинный нож) букв. *'травя-нож'* – вид травы, осока; *үрүн ас* букв. *'белая еда, пища'* в значении молочная пища; *хара ас* букв. *'черная пища'* – мясные блюда; *ас 'пища'* также используется в значении гной, гнойные выделения: *кутургуяа аһа* букв. *'пища фурункула'* – основание фурункула.

Следующая модель – **синестетическая**, при которой метафора, основанная на уподоблении объектов, воспринимается по разным каналам сенсорики. Такие метафоры характерны и для якутского языка, например, *дьэнкэ өлүү* букв. *'прозрачная смерть'* – цинга; *кыһыл тыл* букв. *'красное слово'* – пустословие; *хара мэн 'черная родинка'* – провинность; *инчэбэй эттээх* букв. *'с мокрым телом'* – живой человек; *сиикэй баас* букв. *'сырая рана'* – открытая рана; *тыл тамаба* букв. *'центр, средоточие слова'* – смысл слова; *уот айах* букв. *'огненный рот'* – острослов; *хара уу* букв. *'черная вода'* – вторая волна паводка; *халын аймах* букв. *'толстая родня'* – большая родня.

С функционированием рыночных механизмов в сфере экономики, развитием предпринимательской деятельности и бизнеса, углублением внешнеэкономических связей возникла насущная потребность в знании терминов и понятий, получивших широкое распространение

в практике. Появились новые слова и выражения, обозначающие то или иное явление в экономике. В якутской лингвистике не существует общепризнанного взгляда на объем и границы данных понятий. Отмечается некоторый разноречивый в обозначении одного и того же термина.

В 1990-х годах стали активно создаваться двуязычные отраслевые терминологические словари («Словарь географических терминов» Г.Н. Максимова и А.Н. Сивцевой (1993), «Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии в 4 частях» ред. А.П. Оконешиковой и А.Г. Нелунова (1994), «Русско-якутский толковый словарь физических терминов» составителей Р.И. Петровой и А.Н. Егоровой (1995), «Русско-саха общественно-политический словарь» Е.И. Оконешикова (1998), «Краткий русско-якутский словарь экономических терминов» В.И. Быгановой (1998). Как показал анализ словарей, метафора, связанная с понятием, является важным средством для образования научных терминов. С развитием научного мышления совершается перенос житейского опыта на специальную сферу деятельности. Метафорические слова и выражения открывают хорошие перспективы для терминологизации слов в сфере экономики. Например, *чөкө тарыыл* букв. 'аккуратный тариф' – автономный тариф; *күрэх атыы* букв. 'азартная, задорная продажа/торговля' – аукцион; *валютта эндиэтэ* букв. 'ошибка валюты или опасность валюты' – валютный риск; *тэтимирдэр көдүүс* букв. 'спорная выгода/польза' – динамическая эффективность; *сиэн хампаанньа* букв. 'внушная компания' – дочерняя компания; *табаар сырыыта* букв. 'путь товара' – цикл товара; *валютта тымтайа* букв. 'плетенка валюты' – корзина валюты; *ойобос нолуок* букв. 'боковой/реберный налог' – косвенные налоги; *кэтэххэ түнэтии кырата* букв. 'малый раздел/малое распределение затылку/задней стороне' – малая приватизация.

Метафора употребляется для обозначения общественно-политической терминологии, например, *өлбүгэ ылыы* букв. 'взять ясак/подать/надел' – наследование; *аба ууһа* букв. 'отцовский род' – община; *хайын охсун* букв. 'покрыть себя снежной завалиной' – застраховать себя от чего-либо; *тирэх сир* букв. 'земля-опора' – плацдарм; *бас министир* букв. 'головной министр' – премьер-министр; *айабы ииттэр кээмэй* букв. 'мера средства к существованию

рта' – прожиточный минимум; *хос куолай* букв. 'дополнительный голос' – рупор; *сирэй көрүһүннэри* букв. 'сталкивать лица' – ставка; *бэлэми кэрбээччи* букв. 'грызущий готовое' – тунейдец; *булгуччу модьуйуу* букв. 'обязательное требование' – ультиматум; *олох тымтыга* букв. 'лучина жизни' – подросток; *тыын төхтүр* букв. 'неровное дыхание' – биоритм.

Бытует мнение, что на якутов можно действовать резонами; они рассудительны и не лишены дара слова. Якутская речь изобилует изречениями и пословицами, которые служат устным кодексом правовых, моральных и религиозных взглядов якутского народа. Так, якутский ребенок с малых лет знает, что нельзя играть охотничьими трофеями, проливать молоко, свистеть в лесу, мыться перед огнем, по вечерам играть в прятки. Все эти запреты сопровождались словом *айыы* 'грех'. *«Кэбэ кэнниттэн хатылаама – кэлэбэй буолуон. Айыы!»* досл. 'Не повторяй за кукушкой – станешь заикой. Грех!' – учат взрослые своих детей. Метафора является средством образования пословиц, поговорок: *дьэбин тимири сиир, санаа килини сиир* досл. 'ржавчина съедает железо, мысль съедает человека' – частое волнение приводит к быстрому старению; *кырыыс баһа хааннаах, алгыс баһа арыылаах* досл. 'голова прожлятая кровавая, голова алгыса масляная' – пожелание зла человеку ведет к кровопролитию, а пожелание добра – к благополучию; *ытыс үрдүгэр түһэрдилэр* досл. 'на ладони свои посадили' – встретили гостя радушно. Таким образом, метафора в рамках устного народного творчества выполняет воспитывающую функцию и составляет особый пласт метафор – эстетические метафоры.

Приведенные примеры свидетельствуют, что подобные модели в якутском языке являются наиболее продуктивными. Можно констатировать наличие семантических моделей переноса в разных языках. Метафорическая активность некоторых лексико-семантических групп велика, возможно образование метафорической цепочки. Системный подход открывает возможность описать основные направления метафорических переносов, что дает возможность осознанно понять явление метафоры якутской аудиторией. Продуктивность моделей, вероятно, во многом зависит от опыта, видения мира определенным языковым коллективом. Своеобразие моделей, их продуктивность могут быть учтены при презентации учебного материала в обучении лексике, составлении

словарей. С целью организации обучения лексике считается необходимым учитывать системность, механизмы создания метафоры, метонимий, различия языковой и художественной метафор.

Библиографический список

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.

3. Новиков А.Г., Пудов А.Г. Менталитет севера в контексте циркумполярной цивилизации. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2005. – 178 с.

4. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.

А.М. Мелерович, Е.В. Блинова

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СПОНТАННОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ*

Профессору Нине Семёновне Ганцовской
посвящается

Проблема соотношения слова и фразеологизма, языкового статуса лексических компонентов фразеологических единиц (ФЕ), выдвинутая в середине XX века акад. В.В. Виноградовым, и в наши дни сохраняет свою актуальность. В её исследовании открываются новые перспективы в связи с достижениями новой научной дисциплины – психолингвистики, рассматривающей единицы языка прежде всего с точки зрения их функционирования в речевой деятельности, в свете так называемого «человеческого фактора».

Восприятие и употребление ФЕ в речи часто сопровождается произвольным, интуитивным их семантическим анализом. Семантическое членение ФЕ в речи неотделимо от синтеза семантики и выразительных возможностей их компонентов в экспрессивно-смысловые единства, мотивированные одновременно инвариантным фразеологическим значением и включающим ФЕ текстом. Спонтанный семантический анализ и синтез ФЕ при их употреблении и восприятии – двуединый закономерный процесс. В нем реализуются аналитико-синтезирующие потенции семантической структуры ФЕ. Средой, наиболее способствующей реализации потенций спонтанного анализа и синтеза элементов разных уровней семантической структуры ФЕ, является художественная речь. Для художественной речи характерно использование ФЕ как особых аналитико-синтезирующих образных конст-

рукций. Восприятие значений отдельных лексических компонентов, прямых и переосмысленных на базе семантической структуры ФЕ и ее контекстуального окружения, в соотношении с фразеологическим значением оборота намечает «русло для течения мысли» [11, с. 418] автора и читателя.

Аналитичность значения ФЕ, денотативная соотнесенность их компонентов оказывается наиболее явной при наличии в тексте слов и словосочетаний, поясняющих компоненты ФЕ. Вот характерный пример такого рода преобразования ФЕ: «Князь Василий решил, что эту *кость*, *вексель в тридцать тысяч*, надо было все-таки *бросить* бедной княжне с тем, чтобы ей не могло прийти в голову толковать об участии князя Василия в деле мозаикового портфеля» (Л.Н. Толстой, «Война и мир»). Благодаря введению в состав ФЕ словосочетания, поясняющего именной компонент (*кость* – «вексель в тридцать тысяч») и сочетающегося с глагольным компонентом (...вексель в тридцать тысяч... *бросить*)), создается четкий параллелизм прямого и переносного планов оборота *бросить кость*. Это сатирически заостряет всю фразу. Сопоставленные и синонимические здесь обороты *эта кость* и *вексель в тридцать тысяч* в сочетании с глаголом *бросить* приобретают следующее конкретизированное осмысление: 'с неохотой и раздражением уделить незначительную часть огромного наследства'. В данном семантическом определении глагольное словосочетание *с неохотой и раз-*

*Работа выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного грантом РГНФ № 06-04-00135а.